

Происшествие на Страстной седмице

Анна Петровна, несмотря на преклонный возраст (ей было за 70), была активной прихожанкой своего храма. По субботам и воскресеньям, а также в дни церковных праздников она приходила раньше всех и уходила, когда храм пустел. Помимо расстановки свечей, к чему многие наши соотечественники сводят всю свою активность в Церкви, она смиренно выстаивала службы, изредка позволяя себе присесть. Ни с кем не заговаривала и в молчании возвращалась домой.

Причины такого необычного поведения - в кои-то веки пожилой одинокой женщине выпал случай пообщаться, да ещё со своими! - были для посторонних скрыты. Лишь иногда, в особые моменты службы по её лицу пробегала тень, и на нём появлялось страдальческое выражение. И лишь иногда, стоя на молитве перед любимой иконой Богородицы всех Скорбящих Радости, она утирала набегавшие слёзы.

Плакала она и во время исповеди. На каждую встречу с батюшкой Анна приносила длинные записки с перечислением своих грехов. Священников было двое, и реагировали они на её усердие по-разному. Старший, протоиерей Кузьма, рвал эти записки, не читая: «Какие у тебя грехи?! Божий цветик ты наш»... Младший, иерей Никандр, спрашивал её подробно, чем затягивал исповедь, к неудовольствию окружающих. Анна Петровна простодушно радовалась проявляемому к ней интересу.

На Страстной Седмице, в Великий Четверг, она принесла грехи на нескольких страницах, и этим окончательно вывела из себя прихожан. Какая-то женщина много моложе её вступила с нею в перепалку. Затем, к соблазну немалой толпы, схватила старушку за руку и выволокла её из храма. По дороге вопила, что, вот, у людей праздник, а она день-деньской в хлопотах по дому с детьми, в кои-то веки собралась в храм - и вот... Анна, мелко перебирая ногами в стоптанных полусапожках, следовала за ней. На выходе из церкви остановилась и поклонилась в ноги своей супротивнице:

- Прости, что в искушение ввела.

Та лишь рукой махнула: «Бог простит». Ей, молодой и бодрой, было не понять, что старая и некрепкая Анна Петровна ловила каждую минуту церковного общения, берегла в глубине сердечной памяти, как другие берегут фамильные драгоценности.

Сегодня этих драгоценностей ей досталось особенно много... «Когда же теперь причащаться?» - задумалась женщина. Ответ пришёл сразу: «В Великую Субботу». С лёгким сердцем полетела на крыльях домой. Поднялась по обшарпанной, залитой помоями лестнице на второй этаж трехэтажного кирпичного дома. Замерла перед дверью. Робко нажала на шпильку звонка.

- Тебе что, лень ключи достать? - раздался рёв над её головой. Или потеряла? Совсем придурочная! Сколько раз говорила - отпирай сама, не заставляй бегать по каждому звонку!

В проёме распахнутой двери стояла, подбоченившись, высокая полная женщина лет сорока с грубым накрашенным лицом.

- Не видишь - я полы мою, - продолжала она. Ты вот только пачкаешь и гадишь везде, а нет, чтобы помочь. Всё по своим церквям таскаешься! У всех чисто, а мы по уши в дерьме! Все соседи убрались уже!

- Доченька, да я подметала вчера и мебель протёрла - столы, стулья, - робко возразила старшая.

- Да толку что от твоего протирания?! Везде грязь и пыль, - продолжала орать дочь. Она со злой силой толкнула проходившую вдоль стенки мать так, что та качнулась и чуть не упала.

- Да что же ты делаешь?! - вскрикнула несчастная, хватаясь за висящие на вешалке пальто, чтобы не упасть. Вешалки оборвались, и одежда рухнула на пол, накрыв скорчившуюся фигурку старушки.

Дочь заорала так, что в окнах задрожали стёкла:

- Вот!! Вот! На ногах не стоишь, тварь! Тебе давно в гроб пора, гадина!

Не помня себя, старая женщина бросилась в свою каморку. До вечера она тряслась от страха, боясь высунуться за дверь. Ночью, стоя на коленях перед иконой Божией Матери, она жарко молилась, заливаясь слезами:

- Матушка Богородица, вступишь за меня! Спаси меня! Смягчи её жестокое сердце! Пожалей её - мужа нет, семьи нет, совсем одна; я умру - с кем она останется? Глупышка моя! - она гладила вышитую салфетку, на которой стоял образ, скрюченной, морщинистой рукой. Боженька, помоги! У Тебя тоже Мама есть! Ради Неё спаси, помоги!

Она долго молилась, пока совсем не обессилела и не упала без чувств на пол.

Уже глубокой ночью дверь её комнаты распахнулась, и в комнату ввалилась пьяная дочь. Изрыгая потоки нецензурной брани, она схватила мать за плечи и принялась трясти изо всей силы:

- Валяешься? А ну, вставай, иди кухню мыть!

- Да мне больно, доченька. Ты меня вчера в бок ударила, всё тело болит.

- Вставай, дармоедка!

- Да я на свои живу, на пенсию, что ты попрекаешь?

- «На свои»! Где они, твои копейки? На шею мне хочешь сесть? Не выйдет! Когда же ты сохнешь, наконец!?

- Миленькая, доченька, - взывала старушка, - не надо! Пусти меня, дай пройти.

Она попыталась встать на ноги. Дочь не пускала. Мать попыталась оттолкнуться от пола и, потеряв равновесие, упала. Дочь ударила её ногой. Потом снова и снова. С размаху хлестнула кулаком в лицо. Мать залилась кровью и, хрипя, поползла по полу к двери.

- Стой, куда? - дочь преградила ей дорогу. Не смей выходить на улицу, тварь!

Мать попыталась приподняться. Дочь с остервенелой злобой кинулась её избивать, пока та не затихла. Увидев, что старушка не шевелится, женщина остолбенела. Затем вскочила, как подброшенная пружиной. Пробегая мимо комнаты матери, остановилась, вбежала внутрь, вывернула на пол содержимое

старенького платяного шкафа. Не найдя ничего из того, что искала, подскочила к божнице, сбросила под ноги икону Божией Матери, плюнула на неё и выскочила из комнаты. Затем, распахнув дверь квартиры, сбежала по лестнице. Бросилась на улицу.

Но далеко ей уйти не удалось. Только прошла десяток шагов, как её остановили:

- Э-э-э, девушка, а почему у вас лицо в крови? Упали? Поцарапались?

- Отстаньте, мне некогда!

- А вы подождите, не спешите. Мы вас проводим куда надо.

Двое рослых мужчин с обеих сторон взяли её под руки и повели. Она пробовала вырваться, но поняла, что это бесполезно. Через несколько минут за ней захлопнулась стальная дверь камеры полицейского участка. Лязгнул замок.

В это время душа её матери, сопровождаемая ангелами, поднималась на небеса. Ослепительной звездой сиял лик Пречистой Девы, к которой летящая мученица простирала свои белоснежные руки.

*Марина Васильева
Март 2015*